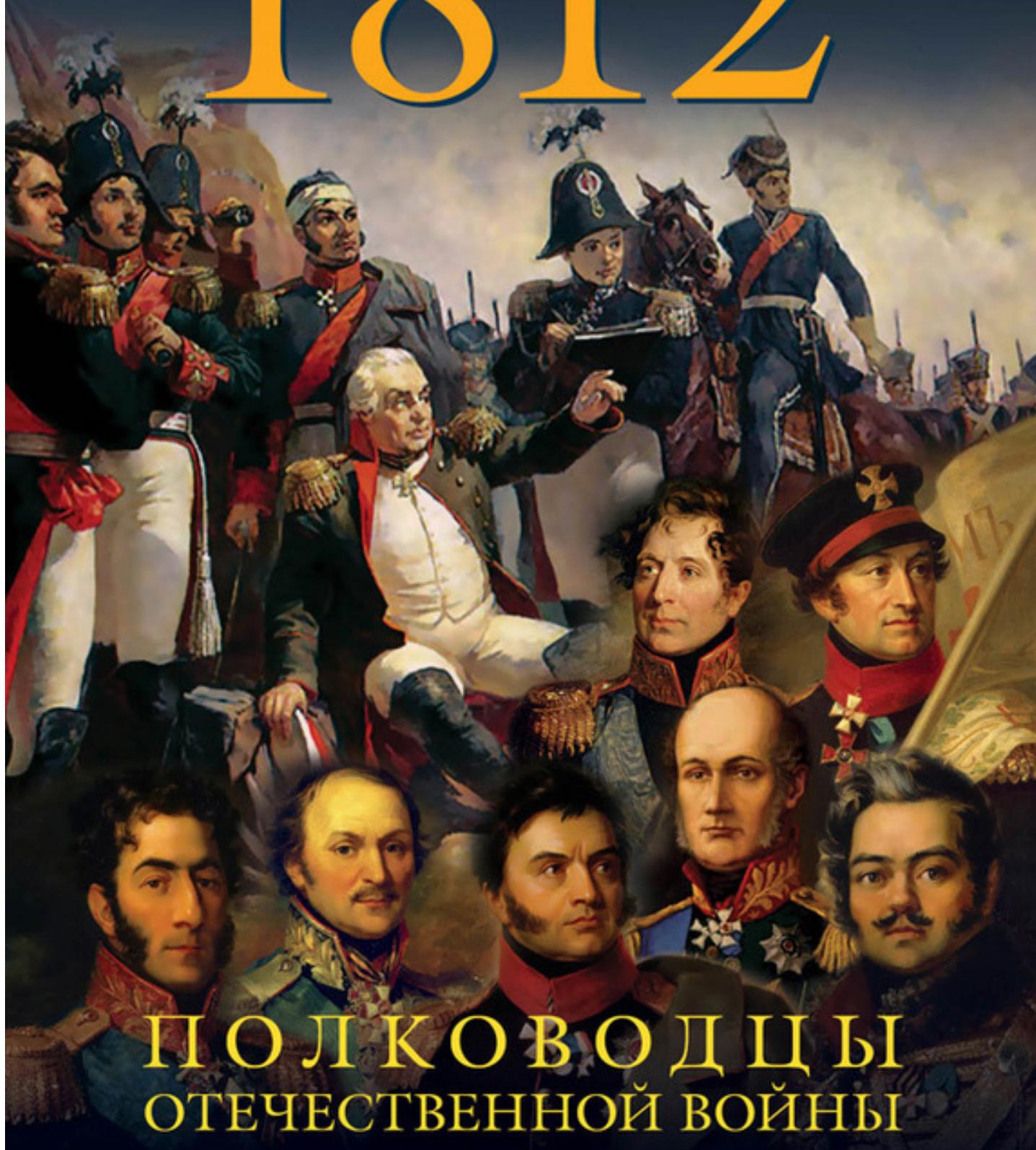

РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА

ВЛАДИМИР БОЯРИНЦЕВ

1812

ПОЛКОВОДЦЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Русской славы имена

Владимир Бояринцев

**1812. Полководцы
Отечественной войны**

«Книжный мир»

2013

Бояринцев В. И.

1812. Полководцы Отечественной войны / В. И. Бояринцев —
«Книжный мир», 2013 — (Русской славы имена)

Первая Отечественная война 1812 года, описанная и воспетая историками, литераторами, живописцами и композиторами, относится к числу самых славных войн, которые вела Россия в своей многовековой истории. Память о ней священна, равно как и имена ее героев. В военной галерее Эрмитажа с портретов прославленных полководцев Отечественной войны 1812-го года, на нас смотрят лица, «полные воинственной отваги», как сказал о них А. С. Пушкин. Военачальникам Отечественной войны 1812-го года, героическим страницам её посвящена предлагаемая читателю книга, естественно, не претендующая на абсолютную полноту изложения обширнейшего исторического материала. Книга написана в стиле исторической публицистики, позволяющей потомкам героических событий Отечественной войны 1812-го года, глубже понять их. 200-летию победы русского оружия в Отечественной войне 1812 года, беспримерному мужеству наших предков, немеркнущей славе их подвига издательство «Книжный мир» посвящает это издание.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Вторжение	8
Император Александр I и его внешняя политика до 1812-го года	8
О чём мечтал Наполеон	15
Нашествие французов	17
М. Б. Барклай-де-Толли: стратегия войны	21
П. И. Багратион и 2-я армия	24
А. П. Тормасов и 3-я армия	26
Первая крупная победа: П. Х. Витгенштейн и Я. П. Кульnev	29
Бой под Красным – Д. П. Неверовский	34
Оборона Смоленска – Н. Н. Раевский и Д. С. Дохтуров	36
М. И. Кутузов во главе армии	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Бояринцев

1812. Полководцы Отечественной войны

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

© В. И. Бояринцев 2013
© Книжный мир 2013

Предисловие

9-го января 2012-го года президент России подписал указ, по которому 2012-й год объявлен Годом российской Истории. В тексте указа говорится, что данное решение принято в целях привлечения внимания общественности к роли России в мировом историческом процессе, к самой истории страны. Выбор этого года обусловлен такими историческими датами, как прекращение Смутного времени (1612-й год), победа в Отечественной войне (1812-й год), 1150-тилетие с момента создания Русского Государства и 150-тилетие со дня рождения Петра Столыпина.

Лев Толстой в своём бессмертном произведении «Война и мир» писал:

– С конца 1811 года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы, и в 1812 году силы эти – миллионы людей (считая тех, которые перевозили и кормили армию), двинулись с Запада на Восток, к границам России, к которым точно так же с 1811 года стягивались силы России. Двенадцатого июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие. Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберёт летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершившие их, не смотрели как на преступления...

12-го июня 1812-го года войска Наполеона перешли реку Неман, и Александр I дал знаменитый обет: **«Не положу оружия, доколе ни единого неприятельского войска не останется в царстве моём»**. Этот обет, фактически, послужил основой превращения русской освободительной войны в войну Отечественную.

Этому способствовало ещё и то, что, войдя в русские земли налегке, без больших запасов продовольствия, французская армия грабила и разоряла занятые ею территории и, как следствие, с каждым шагом продвижения Наполеона вглубь России, увеличивалось её сопротивление.

Участник этих событий – А. Коленкур в своих мемуарах «Поход Наполеона в Россию», изданных в Смоленске в 1991-м году, писал:

– Местных жителей не было видно; пленных не удалось взять; отставших по пути не попадалось; шпионов мы не имели. Мы находились среди русских поселений, и, тем не менее, если мне позволено будет воспользоваться этим сравнением, мы были подобны кораблю без компаса, затерявшемуся среди безбрежного океана, и не знали, что происходит вокруг нас... наши кавалерия и артиллерия терпели большие лишения. Пало очень много лошадей...

Фамилия Коленкур будет встречаться и в дальнейшем, поэтому небольшие биографические сведения: Арман Огюстен Луи де Коленкур (1773–1827), герцог Виченцы, французский дипломат, участник похода Наполеона на Россию. В 1801-м году старый друг его отца и министр иностранных дел Наполеона Талейран поручил ему в Санкт-Петербурге передать поздравления Наполеона Александру I с вступлением последнего на трон. Удачно выполненная миссия приблизила Коленкура к Наполеону. С 1807-го года по май 1811-го года Коленкур – посол Франции в России, в июне 1812-го года вернулся в Россию с армией вторжения Наполеона. 5-го декабря Наполеон оставил жалкие остатки разбитой армии и отправился во Францию в сопровождении Коленкура.

Первые впечатления Коленкура от России, естественно, заставили его задуматься о судьбе похода, увиденное им характеризовало начало процесса, приведшего к разгрому «непобедимой» армии, к чему «руку приложили» военачальники Отечественной войны.

В военной галерее Эрмитажа с портретов прославленных полководцев Отечественной войны 1812-го года, на нас смотрят лица, «*полные воинственной отваги*», как сказал о них А. С. Пушкин. Император Александр I лично утверждал составленные Главным штабом списки генералов, чьи портреты должны были украсить Военную галерею. Это – 349 участников Отечественной войны 1812-го года и заграничных походов 1813–1814-го годов, людей, которые состояли в генеральском чине или были произведены в генералы вскоре после окончания войны.

За 10 лет работы Джордж Доу и его русские помощники В. А. Голике и А. В. Поляков создали более трёхсот портретов, которые размещены в пять рядов на стенах галереи. Вся Россия знала имена людей, чьи портреты помещены здесь. Героям войны 1812-го года посвящал стихи А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. А. Жуковский, Г. Р. Державин, И. А. Крылов, Ф. Н. Глинка и другие.

А. С. Пушкин в своём стихотворении «Полководец», посвящённом памяти Барклай-де Толли, так описывает Военную галерею:

*У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Свою кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадон,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жён,
Ни плясок, ни охот, – а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года...*

Военачальникам Отечественной войны 1812-го года, героическим страницам её посвящена предлагаемая читателю книга, естественно, не претендующая на абсолютную полноту изложения обширнейшего исторического материала.

Книга написана в стиле исторической публистики, позволяющей потомкам героических событий Отечественной войны 1812-го года, глубже понять их.

Глава 1. Вторжение

Император Александр I и его внешняя политика до 1812-го года

В 1801-м моду на Российский престол вступил двадцатичетырёхлетний император Александр I.

Александр I родился в 1777-м году и был воспитан своей бабушкой – императрицей Екатериной, которая также отбрала его у родителей, как у неё самой императрица Елизавета отбрала для воспитания сына Павла. Воспитывая Александра, Екатерина восхищалась им, находя внука красивым и даровитым мальчиком (здесь и далее изложение будет основано на «Учебнике русской истории для средней школы» профессора С. Ф. Платонова, изданного в Санкт-Петербурге в конце 1890-х годов).

Императрица звала мальчика «мой Александр» и мечтала воспитать его в своём духе и направлении, для этого назначила к нему попечителем генерала Н. И. Салтыкова, а главным наставником сделала швейцарского гражданина Фридриха-Цезаря Лагарпа.

Как физическое, так и умственное развитие Александра шло по «наставлениям», написанным самой Екатериной в соответствии с либеральными идеями того времени, Лагарп должен был воспитывать своего питомца «по законам разума и в принципе добродетели». Сам, будучи убеждённым либералом и республиканцем, Лагарп развивал в Александре склонность к политической свободе и равенству.

Казалось, Александру предстояла безоблачная юность, но императрица готовила из него прямого себе преемника, что делало его соперником отца – Павла Петровича. Такая жизнь выработала в Александре умение превосходно владеть собой, прятать своё настроение под видом внешней любезности, за что получил он от многих название «очаровательного сфинкса», так как его обаянию нельзя было не поддаться, но его истинные чувства нельзя было определить.

Убийство отца – императора Павла, естественно, застало великого князя Александра врасплох, он вместе с матерью Марией Фёдоровной и женой Елизаветой Алексеевной (происходившей из Баденского дома) сразу же переехал в Зимний дворец и издал манифест о внезапной кончине отца. В манифесте он обещал управлять народом «по законам и по сердцу» Екатерины Великой и «шествовать по её премудрым намерениям».

В первые же дни своего правления Александр отменил ряд распоряжений отца, объявил об амнистии всех, сосланных и заключённых без суда в царствование Павла, уволил «по болезни» графа Палена, который стоял во главе заговора против Павла и надеялся руководить молодым Александром.

Император в течение более чем двух лет провёл ряд внутренних преобразований, с 1806-го года около него появилось доверенное лицо – Михаил Михайлович Сперанский, которому было поручено выработать общий план государственных преобразований. Но Сперанскому не удалось провести преобразования в полном объёме, хотя при нём удалось восстановить утраченную при Екатерине II централизацию управления.

Первые годы царствования Александра I остались наилучшие воспоминания у многих современников. «Дней Александровых прекрасное начало» – так обозначил эти годы А. С. Пушкин. Вновь возродилась политика «просвещённого абсолютизма». Открывались новые университеты, лицеи, гимназии. Принимались меры к облегчению положения крестьян. Александр прекратил раздачу государственных крестьян дворянам за заслуги.

В 1803-м году был принят указ о «вольных хлебопашцах». Согласно указу, помещик при желании мог освободить своих крестьян, наделив их землей и получив с них выкуп. Но помещики не спешили освобождать крепостных. За всё время царствования Александра было освобождено около 47 тысяч крепостных душ мужского пола. Идеи, заложенные в этом указе, впоследствии легли в основу реформы 1861-го года. Крепостное право при Александре I было отменено лишь в Остзейских провинциях России (Прибалтика).

Александра в народе прозвали «Благословенным», пропаганда того времени тоже неплохо работала: ему пели дифирамбы поэты, о нём слагали легенды и сочиняли трогательные анекдоты.

Вступая на престол, император Александр намеревался сохранить мир и нейтралитет во внешней политике, он говорил: «лично для себя мне ничего не нужно, желаю только способствовать спокойствию Европы» (здесь и далее используются материалы профессора С. Ф. Платонова конца 90-х годов XIX-го века).

Александр I остановил приготовления к войне с Англией и возобновил дружеские отношения с Австрией. Отношения с Францией от этого должны были ухудшиться по сравнению с теми, которые были при императоре Павле, так как Франция при нём находилась во вражде с Англией. Однако никто в России не думал о войне с французами в первые годы правления Александра I.

Война стала неизбежной после целого ряда расхождений между Наполеоном и русским правительством.

В 1804-м году Наполеон стал императором, его громадное честолюбие раздражало Александра, а его бесцеремонность в делах средней и южной Европы казалось опасной и недопустимой. Наполеон тем временем, не обращая внимания на протесты русского правительства, распоряжался в Германии и Италии, и это заставляло Александра постепенно готовить новую коалицию против Франции, и главными союзниками России здесь были Австрия и Англия.

В 1805-м году началась война с Наполеоном. Русские войска под командованием ученика А. В. Суворова – М. И. Голенищева-Кутузова, двинулись в Австрию для соединения с австрийскими войсками.

И. В. Скворцов («Русская история для старших классов средне-учебных заведений», С.-Петербург, 1913) так описывает этот исторический период:

«Наполеон, по своему обычаю, не стал ждать, когда враги придут к нему, но сам пошёл к ним навстречу, спеша разбить союзников поодиночке и, прежде чем русские войска успели прийти в Австрию, страшным натиском разгромил австрийцев (при Ульме) и завладел самой Веной. Командующий русскими войсками Кутузов, спасая свою утомлённую длинными переходами армию, осторожно отступал, выжидая подкреплений, чем сильно раздражал Наполеона, искавшего случая разгромить её, пока она ещё не оправилась. Осторожный план действий Кутузова оскорблял самолюбие Александра и, вопреки советам своего полководца, он настоял на мысли дать битву Наполеону при деревне Аустерлиц (в Моравии), где сосредоточены были русско-австрийские войска под началом двух императоров, русского и австрийского (Франца II). Распоряжался всем Александр по плану, начертанному австрийским генеральным штабом. Эта «битва трёх императоров», как называли её, кончилась разгромом неумело руководимой союзной армии, сами императоры русский и австрийский спаслись с большим трудом при отступлении войск».

Под Аустерлицем Кутузов был бессилен, хотя он твёрдо высказался против наступления, его не послушали. У Кутузова оставалась только надежда на беспримерную храбрость русских солдат, на то, что в ходе боя правильным решением он сумеет спасти положение.

Поражение под Аустерлицем вынудило австрийского императора Франца заключить с Наполеоном мир, отказавшись от части своих владений (Тироля и Венецианской области) и потеряло своё влияние в Германии.

Русские войска возвратились домой.

Естественно, что когда всем стало известно, что виновником аустерлицкого поражения является сам русский император, а не Кутузов, то Александр I возненавидел Кутузова, удалил его из армии, назначив генерал-губернатором Киева.

А. С. Пушкин писал:

*Воспитанный под барабаном,
Наши царь лихим был капитаном;
Под Аустерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал...*

В 1806-м году император Александр возобновил военные действия против Наполеона, теперь уже в союзе с Пруссией, которая, не дожидаясь подхода русских войск, сама начала войну. Франция разбила пруссаков в двух битвах, Наполеон занял Берлин и завладел Прусскими землями до самой Вислы, прусский король Фридрих-Вильгельм III укрылся со своим двором в Кенигсберге и решил с русской помощью продолжить войну.

Всю зиму 1806–1807-го годов шли кровопролитные бои вблизи Кенигсберга. Русская армия под командованием Беннигсена оказала упорное сопротивление французам, но летом 1807-го года Наполеону удалось разбить русских под Фридландом, русская армия ушла на правый берег Немана, война закончилась, Пруссия подчинилась Наполеону.

Император Александр заключил перемирие с Наполеоном, оба монарха в Тильзите (на территории тогдашней Восточной Пруссии) договорились об условиях мира, был заключён Тильзитский мирный договор.

Об этом периоде российской истории А. С. Пушкин писал в «Евгении Онегине» про императора Александра I:

*Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.*

*Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартива шатра.*

Во время переговоров Наполеон предложил присоединить к России все земли от Немана до Вислы, но Александр I не принял это предложение, целью которого было поссорить Россию и Пруссию. Но, Наполеон настоял на унизительной для Пруссии формулировке мирного договора, где говорилось, что он лишь «из уважения к его величеству императору всероссийскому» соглашается возвратить прусскому королю часть завоёванных территорий («Дипломатический словарь». М., 1973).

По условиям договора Пруссия теряла все земли на левом берегу Эльбы, было организовано Варшавское герцогство, Гданьск (Данциг) объявлялся вольным городом, при этом Белостокский округ отходил к России.

Результатом договора должен был стать союз Франции и России, тайным условием которого стал раздел сфер влияния: за Францией – Европа, за Россией – север и юг (Турция). Оба государя договорились о совместных действиях против Англии и приняли разработанную Наполеоном «континентальную систему», которая подразумевала, что континентальные

страны отказываются от торговых связей с Англией. Тильзитский мир и союз были подкреплены следующей встречей императоров Франции и России в 1808-м году.

Хотя Россия не понесла территориальных потерь, она была вынуждена разорвать все торговые отношения с Англией. Этого требовал Наполеон от всех правительств европейских держав, с которыми заключал соглашения. Таким путем он надеялся расстроить английскую экономику. К концу первого десятилетия XIX-го века под контролем французского императора оказалась почти вся континентальная Европа.

Но в Тильзите императору Александру удалось договориться с Наполеоном, что тот перестаёт поддерживать Турцию в её войне с Россией, которая шла с 1806-го года, но французская дипломатия тайно продолжала поддерживать турок в войне с Россией.

Тильзитский договор был с неудовольствием встречен в России, так как включение страны в континентальную блокаду Англии наносило сильный удар по русской экспортной торговле, что пагубно сказывалось на экономике.

И. В. Скворцов так оценивает политику Франции и России после заключения Тильзитского мира:

«Наполеон не торопился выполнить как следует обещание относительно посредничества в войне России с Турцией, считая это отвлечение сил России выгодным для себя. Александр, в свою очередь, хотя и согласился помочь своему «союзнику» Наполеону в новой его войне с Австрией, но дал тайный приказ русскому войску уклоняться от решительных действий против австрийцев.

Распоряжаясь самовластно в Западной Европе, Наполеон оставлял без внимания протесты Александра против действий, затрагивающих интересы России или её государя. Так, например, он увеличивал размеры Варшавского герцогства…

Главным же поводом к взаимным недоразумениям служила континентальная система, крайне невыгодная для России. Наполеон требовал, чтобы в русские гавани не допускались не только английские торговые суда, но и суда нейтральных держав (например, американские), если в них окажутся английские товары. Александр не согласился с этим и, в свою очередь, обложил высокой пошлиной мануфактурные произведения и вообще предметы роскоши, чтобы хоть этим путём *сократить вывоз из России звонкой монеты и устраниТЬ дальнейшее падение курса ассигнаций, вызванное континентальной системой...*» (выделено мной. – В. Б.).

Александр I

В 1811-м году командующим армией на турецком направлении был назначен Михаил Илларионович Кутузов, которому удалось решительным ударом (при Слободзее, на левом берегу Дуная) уничтожить турецкую армию, а затем склонить турецких представителей к подписанию мирного договора, по которому к России отошла Бессарабия. Сербия, находившаяся под турецким владычеством, получила автономию. Военный конфликт с Турцией был уложен в мае 1812-го года, буквально накануне начала вторжения Наполеона в Россию.

Наполеон же, совершая захваты немецких земель и располагая в их городах гарнизоны, всё ближе продвигал свои войска к России, поэтому ещё с 1810-го года Александр I начал протестовать против действий Наполеона и стал постепенно готовиться к войне на тот случай, если Наполеон нападёт на Россию. В свою очередь Наполеон вёл приготовления для вторжения в Россию. Обе стороны старались скрывать свои военные планы и обвиняли друг друга в стремлении подорвать дружбу и нарушить мир.

Так готовилась война между Россией и Францией, и уже 200 лет историки и политики ищут ответ на вопрос: «Зачем Наполеон вторгся в Россию?»

И здесь дело было не «в личной неприязни», как пишут в современных полицейских протоколах по случаю драк и убийств, всё становится на свои места, когда вспоминаем, что «бытие определяет сознание». Дело было не в обиде Наполеона на императора Александра, который, отказался от экономической блокады Англии и дипломатически вредил Наполеону.

Действительность была такова, что для поддержания своего господства в Европе, Наполеону нужна была сильная армия, которую, естественно, хотелось кормить за чужой счёт, а рядом существовала страна, которая могла сделать это.

Недаром, как наполеоновское, так и гитлеровское вторжение начиналось в такое время, когда приближалось созревание нового урожая. При этом ни Наполеон, ни позже – Гитлер не стремились к оккупации всей страны. Они понимали, что не смогут справиться с обширными территориями, имеющими суровый климат, им нужна была европейская часть России.

До вторжения в Россию Наполеон как-то говорил Меттерниху (князю, австрийскому политическому деятелю), что дальше Смоленска в первый год войны не пойдёт. «Я открою кампанию переходом через Неман. Закончу я её в Смоленске и Минске. Там я остановлюсь. Я укреплю эти два города и займусь в Вильне, где будет моя главная квартира в течение ближайшей зимы, организацией Литвы... и мы увидим, кто из нас устанет первый: я от того, что *буду держать свою армию за счёт России, или Александр от того, что ему придётся кормить мою армию за счёт своей страны*. И, может быть, я сам уеду на самые суровые месяцы в Париж» (выделено мной. – В. Б.).

В ответ на вопрос, что он будет делать, если оккупация Литвы не вынудит Александра к миру, Наполеон сказал: «Тогда, перезимовав, я двинусь к центру страны, в 1813 году буду так же терпелив, как в 1812 году». В Вильно Наполеон сказал, примерно, то же: «Я не перейду Двину. Хотеть идти дальше в течение этого года, значит идти навстречу собственной гибели».

Была и политико-личностная причина французско-русских противоречий: Наполеон стремился к мировому господству и для этого готов был подчинить себе Россию, Александр не только не считал возможным подчиниться Наполеону, но сам желал влиять на европейские дела, как преемник Екатерины Великой, при которой Россия достигла небывалых политических успехов и приобрела большое международное значение.

В политике Франции проявлялись завоевательные тенденции, Россия не забывала о чувстве национальной силы и гордости, Франция стремилась к господству над Россией, Россия желала равенства с Францией в международных делах. Война была неизбежна.

В 1811-м году близость разрыва отношений Франции и России чувствовалась всеми. С начала 1812-го года император Александр усиленно готовился к войне, при этом отклонил

предложенные ему генералитетом проекты наступательных действий, а рассматривал только возможность оборонительных мероприятий.

Россия, имея 480-тысячную полевую армию, смогла выставить на западной границе лишь 230–240 человек, включая ближайшие резервы, располагая тысячу орудий. Остальные силы находились на Кавказе, на юге России, на Дунае, в Финляндии и внутри страны:

- 1-я Западная армия (Император Александр I);
- 2-я Западная армия (генерал от инфантерии князь П. И. Багратион);
- 3-я Резервная армия (генерал от кавалерии А. П. Тормасов);
- Дунайская армия (адмирал П. В. Чичагов);
- Рижский корпус (генерал-лейтенант И. Н. Эссен 1-й);
- Финляндский корпус (генерал-лейтенант Ф. Ф. Штейнгель);
- 1-й резервный корпус (генерал-адъютант барон Е. И. Меллер-Закомельский);
- 2-й резервный корпус (генерал-лейтенант Ф. Ф. Эртель);
- Бобруйский отряд (генерал-майор Г. А. Игнатьев);
- Смоленский резервный корпус (генерал-адъютант барон Ф. Ф. Винцингероде);
- Калужский резервный корпус (генерал от инфантерии М. А. Милорадович);
- 27-я пехотная дивизия (генерал-майор Д. П. Неверовский);
- Отряд в Сербии (генерал-майор Н. И. Лидерс).

Основные войска были разделены на три армии:

- 1-я армия генерала М. Б. Барклая-де-Толли (127 тысяч человек) располагалась по дуге Россиены – Лида; подчинённый ей корпус П. Х. Витгенштейна находился в районе Шавли, прикрывая Петербургское направление;
- 2-я армия генерала П. И. Багратиона (40 тысяч человек) – между Неманом и Бугом в районе Волковыска;
- 3-я армия генерала А. П. Тормасова (43 тысячи человек) располагалась в районе Луцка-Житомира, прикрывая Киевское направление.

С апреля 1812-го года сам император Александр находился при войсках, его ставка располагалась в Вильно, где он проводил блестящие парады войск.

На проходивших под началом императора заседаниях штаба горячо обсуждался план военного советника Александра генерала Фуля, странной личности, который ничего не знал о России, не понимал русского и ни с кем не общался, все кроме императора его просто ненавидели. План Фуля, бывшего генерал-квартирмейстера прусской армии, основывался на следующих соображениях:

- 1) Сблизиться с частями подкрепления.
- 2) Ослабить противника его же собственным продвижением вперёд.
- 3) Атаковать неприятеля с флангов и вести арьергардные бои, используя армию Багратиона.
- 4) Устроить укреплённый лагерь у Дриссы и оттуда противостоять продвижению противника.

Александр предполагал, что по плану генерала Пфуля армия Барклая-де-Толли должна была отойти к укреплённому лагерю у местечка Дрисса и сдерживать здесь неприятеля, план, фактически, подразумевал окружение русской армии.

Клаузевиц, немецкий военный теоретик и историк, отмечал, что если бы русские сами добровольно не покинули этой позиции, то они оказались бы атакованными с тыла, и безразлично, было бы их 90 000 или 120 000 человек, они были бы загнаны в полукруг окопов и принуждены к капитуляции.

Учебник Отечественной истории, изданный в Санкт-Петербурге 120 лет, назад так описывает события, предшествующие началу войны: перед вторжением в Россию Наполеон устроил в Дрездене съезд властителей Западной Европы. Тут приветствовали его – император

австрийский, король прусский и германский князья. Наполеон выступил перед ними с речью: «Я иду на Москву, – говорил он, – и в одно или два сражения всё кончу. Император Александр на коленях будет просить у меня мира».

О чём мечтал Наполеон

Со времени первой встречи Александра I с Наполеоном их отношения изменились: Тильзитские нежности уже не возобновлялись в Эрфурте. Положение усугублялось разрушительными последствиями для России континентальной блокады, противоположными интересами императоров в Польше и Турции, их непримиримыми честолюбивыми устремлениями. Во многих случаях Наполеон обращался с Россией скорее как с вассалом, а не как с союзником и с уверенностью говорил о победе над ней.

В апреле 1812-го года Наполеон произнёс во дворце Тюильри в присутствии графа Луи де Нарбонна, французского дипломата и генерала, такие слова, что тот, прия домой, сразу же записал их. Император провозгласил себя наследником римских цезарей и всего древнего мира. Судьба направляла его против варваров; Фатум заставлял играть роль, принадлежавшую когда-то самым знаменитым цезарям; римский император вставал войной на вождя русских варваров, у него не было никаких сомнений в исходе борьбы; он упомянул также Александра Македонского и сказал о завоевании Индии. Через поверженную Россию он бросится в Азию и сумеет выполнить предназначение судьбою...

Уже в конце июня в оккупированном Вильно Наполеон сказал посланнику царя Балашову: «Я не могу не одержать верх!.. Чего вы пытаетесь добиться этой войной? Потери ваших польских провинций? Если вы продолжите войну, вы её непременно проиграете... Царь станет причиной окончательного падения короля прусского...»

Вплоть до июля 1812-го года Наполеон исключал возможность длительной «русской кампании», будучи убеждённым, что «второй польской войны» хватит, чтобы вынудить царя заключить мир. Он даже сказал маршалу Бертье: «Через два месяца русские будут у моих ног!..»

Наполеон уверял Коленкура: «Одной победы будет достаточно, чтобы царь приполз ко мне, как в Тильзите. Крупные помещики против него восстанут; я освобожу крепостных...» – и некоторое время спустя говорил ему же: «Мой брат Александр испугался. Передвижения моих войск обратили русских в бегство...»

Здесь и далее по тексту будет часто встречаться имя Коленкура – посла Наполеона с 1807-го года при русском дворе. В течение всех лет своей петербургской миссии Коленкур утверждал в своих донесениях и в своих личных докладах Наполеону, что Александр не хочет воевать с Францией, что царь первый ни в коем случае не нападет на французов, но что если нападение последует со стороны Наполеона, то царь, опираясь на русский народ, окажет сильнейшее сопротивление.

Наполеон настолько верил в свою звезду, в армию, он одержал столько блестящих побед, что недооценил оказавшиеся практически непреодолимыми трудности похода в Россию (по материалам А. Валлоттона «Александр I»).

Наполеон бы уверен, что после первого же сражения (а оно могло окончиться только его победой) молодой царь поспешит заключить мир. Более того, эта война станет последней! Император не обращал никакого внимания на тревожные предупреждения Жозефа Рапа (графа, французского дивизионного генерала, генерал-адъютанта), на мольбы Нарбонна (графа, генерал-адъютанта Наполеона) «не идти по стопам Карла XII» и сказал, что быть мудрым политиком – значит делать то, что приказывает судьба, и идти туда, куда толкает необратимый ход событий... (А. Валлоттон).

Напрасно министры: граф Мольен, герцог Гаэте, генерал Дюрок, герцог Фриульский, Талейран, князь Беневентский и другие убеждали Наполеона отказаться от осуществления задуманного, указывали на предстоящие затраты и на суровость русской зимы, император ничего не желал слушать. Он сказал польскому королю, что кампания будет короткой. Своим

родным он говорил, что родился не на троне и должен удержаться на нём тем же, чем взошёл, – славою. Обыкновенный человек, ставший, как и он, государем, не может останавливаться!..

Нашествие французов

*Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?*

(А. С. Пушкин. «Евгений Онегин»)

События перед непосредственным началом вторжения в Россию описывает офицер французского 2-го кирасирского полка Мец Тирио де (опубликовано в «Размышления о России и русских», М.: АО Правда Интернэшл, 1996):

– Господствующее над долиной Немана плато напоминало потревоженный муравейник. Разнообразие форм войск, двигавшихся во всех направлениях, гул, производимый скопищем войск, совместно с непрерывным треском барабанов, звуками труб и музыки, – всё это, в общем, сообщало этому сосредоточению в день 12 июня торжественный характер и делало зрелище знаменательным.

С наступлением ночи картина изменилась: тысяча огней, раскинувшихся на неизмеримом расстоянии, освещало поляну и холмы над Неманом, а посреди этих огней полмилиона копошащихся войск – редкое и интересное зрелище!

Но, увы! Как мало из участников этой картины могут теперь рассказать о ней! Куда девались, и что осталось от стальных и бронзовых волн этой армии победителей Европы! За малыми исключениями, участники этого блестящего зрелища погибли: одни – славной смертью солдата на поле брани, другие от голода, холода и лишений. Немногие, вернувшись к родному очагу, страдали от ран и лишений 2-х месячного отступления от Москвы, оточных биваков на снегу, без огня и без пищи, глотая снег для утоления жажды.

Но эти печальные мысли нас тогда, на берегах Немана, не тревожили; полные сил и надежд, гордые принадлежностью к великой нации, гордые мундиром, мы мечтали о победах, и когда над громадным биваком нашим поднялось ликующее солнце, мы стремились скорее перейти эту пограничную реку...

24-го июня 1812-го года огромная французская армия под личным предводительством Наполеона перешла через реку Неман, которая была границей России на западе, в этот момент, по свидетельству оставшихся в живых очевидцев, внезапно хлынул дождь, «ударил гром такой силы, что люди мгновенно, как по команде, наклонили головы а шеям коней; ничего подобного такому грому я не слыхал в своей жизни... Вот при каких дурных предзнаменованиях, столь оправдавшихся впоследствии, перешёл я Неман и вступил на русскую территорию!»

Если бы Наполеон верил в предзнаменования, он должен был бы остановить Великую Армию.

Начиная войну, Наполеон издал для армии прокламацию: «Солдаты, вторая польская война началась. Первая окончилась под Фридландом и в Тильзите... Россия увлекается роком! Она не избегнет судьбы своей. Неужели она полагает, что мы изменились? Разве мы уже не воины аустерлицкие?.. Вторая польская война будет столь же славна для Франции, сколько и первая; но мир, который мы заключим, будет прочным и прекратит пятидесятилетнее кичливое влияние на дела Европы» («История отечественной войны 1812 года. Соч. ген.-м. М. Богдановича. СПб. 1859. «Мемуары графа Толя»»).

И. В. Скворцов («Русская история для старших классов средне-учебных заведений», С. Петербург, 1913) пишет: «Кроме французов, составлявших половину армии Наполеона, в состав её входили войска неаполитанские, швейцарские бельгийские, голландские, порту-

гальские, испанские, а также всегерманских народов – баденцы, виртенбергцы, баварцы, саксонцы, гессен-дармштадцы,mekленбургцы,вестфальцы, воины полуфранцузских герцогств – Берга и Франкфурта; Пруссия обязалась поставить 20 тыс. человек; Австрия 30 тыс.; в войсках последней были венгерцы и славяне иллирийских провинций (домлады и кроаты); поляки, одушевлённые перспективой восстановления Польши, выставили 60 тыс. чел. Это была действительно армия «двадесяти языков», как её называли тогда в России».

Уверенность в успехе Наполеона разделяло почти всё его окружение: офицеры и генералы добивались назначения в поход на Россию, как особой милости.

Наполеон планировал быстро закончить войну, разгромив русскую армию в генеральном сражении. Расчет Наполеона был прост – поражение российской армии в одном-двух сражениях вынудит Александра I принять его условия. Коленкур в мемуарах вспоминает фразу Наполеона: «Он заговорил о русских вельможах, которые в случае войны боялись бы за свои дворцы и после крупного сражения принудили бы императора Александра подписать мир».

Наполеон также говорил Миттернижу (министру иностранных дел Австрии): «Торжество будет уделом более терпеливого. Я открою кампанию переходом через Неман. Закончу я её в Смоленске и Минске. Там я остановлюсь». В беседе с французским послом в Варшаве Прадтом Наполеон говорил: «Я иду в Москву и в одно или два сражения всё кончу». Известно и другое высказывание Наполеона: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму её за голову; заняв Москву, я поражу её в сердце».

Действительно, всё, казалось, предвещало успех Наполеона: громадность сил, гений полководца, его счастье и непобедимость. В русских же имя Наполеона ассоциировалось с понятием антихриста. Многие были убеждены, что настал конец России, а в комете, появившейся на небе в 1811-м году, суеверные люди видели предзнаменование гибели страны но общее мнение было: лучше погибнуть, чем подчиниться врагу.

С началом вторжения русские армии Барклай-де-Толли и Багратиона, разрыв между которыми составлял 250 вёрст, оказались отрезанными одна от другой и были настолько слабы по численности, что не могли и думать о генеральном сражении с врагом.

Е. В. Тарле («Нашествие Наполеона на Россию») писал, что ещё перед выходом из Дриссы, находившийся при царе государственный секретарь Шишков оказал русской армии очень важную услугу. Шишков видел, что пребывание императора Александра в армии просто гибельно для России. Но как убрать царя, человека очень обидчивого и злопамятного? Ближайшим военным окружением императору было представлено предложение: «Если государю императору угодно будет ныне же, не ожидая решительной битвы, препоручить войска в полное распоряжение главнокомандующего и самому отбыть от оных...».

И император покинул армию, оставив Барклай-де-Толли главнокомандующим 1-й армии с начальником штаба – генералом А. П. Ермоловым. Барклай-де-Толли приказал отступать на Витебск.

Обе русские армии должны были не позволить разбить себя поодиночке, как планировал Наполеон, а объединиться, это объединение должно было состояться под Витебском. Чтобы выиграть время и дождаться здесь Багратиона, Барклай-де-Толли приказал графу Остерману-Толстому с небольшим отрядом задержать французов. Целый день Остерман выдерживал сильнейший натиск французов. Когда ему донесли, что неприятель всё усиливает давление, между тем русские полки понесли большой урон, и при этом спрашивали, что делать, – он отвечал: «ничего не делать, стоять и умирать».

С такой же стойкостью удерживали рубеж и сменившие его части Коновицына и Палена. Но армии здесь не смогли соединиться, 2-я армия Багратиона оказалась в тяжелейшем положении – против неё Наполеон бросил свои лучшие войска: корпус под командованием вестфальского короля Жерома шёл в хвосте армии, а корпус маршала Л.-Н. Даву – наперевез.

Багратион с необыкновенной ловкостью вырвался из тисков Даву и Жерома, отвёл свою армию от границы к Смоленску, нанеся противнику ряд чувствительных ударов. Образ Суворова оживает в словах приказа, данного Багратионом после первого столкновения с французскими войсками: «Пехота коли, кавалерия руби и топчи!.. Тридцать лет моей службы и тридцать лет, как я врагов побеждаю через вашу храбрость. Я всегда с вами, и вы со мною!» (Генерал Багратион: Сб. документов и материалов. М., 1945).

По случаю начала войны император Александр I подписал манифест, в котором говорилось:

«Неприятель вошёл с великими силами в пределы России. Он идёт разорять любезное Наше Отечество... Да обратится погибель, в которую он манит низринуть Нас, на главу его, и освобождённая от рабства Европа да возвеличит имя России!..»

Александр I направил к Наполеону генерала Балашова со следующим письмом:

«Государь брат мой!

Вчера дошло до меня, что, несмотря на честность, с которой наблюдал я мои обязательства к Вашему Императорскому Величеству, войска Ваши перешли русские границы, и только лишь теперь получил из Петербурга ноту, которую граф Лористон извещает меня по поводу сего вторжения, что Ваше Величество считаете себя в неприязненных отношениях со мною... Ежели Ваше Величество не расположены проливать кровь наших подданных из-за подобного недоразумения и ежели Вы согласны вывести свои войска из русских владений, то я оставлю без внимания всё произшедшее, и соглашение между нами будет возможно. В противном случае я буду вынужден отражать нападение, которое ничем не было возбуждено с моей стороны. Ваше Величество, ещё имеете возможность избавить человечество от бедствий новой войны.

Вашего Величества добрый брат Александр».

Но Великая Армия, перейдя Неман, пошла на Вильно, в июне французские войска вошли в Вильно, русские войска отступили без боя. Это не значит, что не происходили стычки между неприятельскими армиями, но крупного сражения русские избегали.

Наполеон сказал: «Шпага обнажена, надо загнать русских в их льды, чтобы и через 25 лет они не смели вмешиваться в дела цивилизованной Европы... Я подпишу мир в Москве!.. И двух месяцев не пройдёт, как русские вельможи заставят Александра его у меня просить».

1-го июля Наполеон направил Александру письмо, где перечислял свои претензии. Несмотря на уверения в неизменности чувств, выраженных в Тильзите и Эрфурте, он, тем не менее, заявил, что не выведет ни одного солдата из России.

Торопясь настигнуть отступающего врага, Наполеон приказал армии выступить из Вильно, хотя обозы с продовольствием ещё не добрались до города.

Русские продолжали отступать в полном порядке. С первого шага неприятеля в России народ сам стал подниматься на защиту отечества: мирные сельские жители превращались в смелых воинов, крестьяне обращались к военным: «Скажите, когда придёт пора зажигать наши дома».

И. В. Скворцов: «Такого сопротивления французы ещё нигде не встречали, 7-ми 10-ти тысячные отряды задерживали иногда напор 100-тысячной армии французов».

6-го июля 1812-го года император Александр I издал Манифест «О сборе внутри государства земского ополчения» («Полное собрание законов Российской империи. 1812–1815. СПб., 1830»):

— «...Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие своё внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие великой сей Державы. Он положил в уме своём злобное намерение разрушить славу её и благоденствие. С лукавством в сердце и лестию на устах несёт он вечные для неё цепи и оковы.

Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграде ему войска Наши, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его и то, что останется неистреблённого согнать с лица земли

Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твёрдую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных Наших подданных, что собранные им разнодержавные силы велики и что отважность его требует неусыпного против неё бодрствования.

Сего ради, при всей твёрдой надежде на храбреое Наше воинство, полагаем Мы за необходимо нужное: собрать внутри Государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жён и детей каждого и всех...

Да найдёт он на каждом своём шагу верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда тёплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; Народ русский! Храбреое потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют».

Это воззвание вызвало проявление патриотических чувств, когда, вскоре после этого, Александр I прибыл в Москву, толпа народа кричала: «Веди нас, куда хочешь, веди нас, отец наш! Умрём или победим!» Готовность каждого жертвовать всем на защиту отечества была столь велика, что правительство вынуждено было ограничить пожертвования, поступающие из губерний, только 16-ю губерниями, ближайшими к месту войны.

В наше демократическое время такое даже невозможно предположить, чтобы правительствоказалось прикарманить деньги, которые лишними для чиновников не бывают.

Благодаря призыву императора и поступающим сведениям о мародёрстве и грабежах Великой Армии, в короткое время было создано ополчение (более 300-ти тысяч человек) и собрано около 100 миллионов рублей.

М. Б. Барклай-де-Толли: стратегия войны

Михаил Богданович (Михаил Андреас) Барклай-де-Толли (1761–1818) родился в Лифляндии в небогатой, но родовитой семье. Отец его происходил из древнего шотландского рода Барклаев (Беркли), представители которого в XVII-м веке эмигрировали в Ригу. После присоединения Лифляндии к России семейство Барклаев приняло Российское подданство. Родовой герб генерала Михаила Богдановича Барклая-де-Толли украшал девиз «Верность и терпение». Ничто не отражает характер и судьбу выдающегося русского полководца лучше, чем этот девиз.

Боевое крещение молодой офицер получил в турецкую войну 1787–1791-го годов в боях под Очаковом. Командиром его был принц Ангальт-Бернбургский, заменивший раненого Михаила Илларионовича Кутузова. За успешный штурм Очакова, во время которого Барклай шёл в первых рядах атакующих, он был награждён орденом Св. Равноапостольного князя Владимира 4-й степени (вслед за Д. Н. Сенявиным, Барклай стал вторым кавалером этого ордена 4-й степени), а также получил чин секунд-майора.

В боях с турками он получил многообразный боевой опыт: участвовал в штурме крепостей и уличных боях, обороне и штыковых атаках. Вместе с тем, исполняя адъютантские обязанности, он изучил штабную организаторскую работу, что оказалось неоценимым в его будущей карьере. Барклай-де-Толли участвовал в войне со Швецией, воевал в Польше, был награждён, произведён в подполковники и в декабре 1794-го года назначен командиром 1-го батальона Эстляндского егерского корпуса.

В 1798-м году Барклай стал полковником и был назначен шефом 4-го Егерского полка, а в 1799-м году за образцовую подготовку полка император Павел I пожаловал Барклаю в генерал-майоры. Впервые с наполеоновскими войсками Барклай столкнулся в сражении под Пултуском 14-го декабря 1806-го года, за которое он был удостоен Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-го класса.

Барклай-де-Толли

В сражении под Прейсиш-Эйлау отряд Барклая организовал активную оборону города. Сам Барклай принимал непосредственное участие в конных атаках и был ранен пулей в правую

руку. Рана оказалась весьма тяжёлой, речь шла об ампутации руки, узнав об этом, Александр I прислал своего лейб-медика, который спас руку, произведя операцию. Во время лечения его посетил Александр I, служебное положение Барклая заметно упрочилось, он был удостоен орденов Св. Анны 1-й степени и Св. Равноапостольного князя Владимира 2-й степени и 9 апреля 1807 года произведён в генерал-лейтенанты с назначением начальником 6-й пехотной дивизии.

После завершения военной операции в Финляндии во время войны со Швецией Барклай-де-Толли был назначен главнокомандующим Русской армией в Финляндии и генерал-губернатором Финляндии. На этом посту он проявил себя прекрасным организатором, наведя в армии и на присоединённых территориях твёрдый порядок. Опыт административного управления сложным и обширным региона окказался весьма важным для дальнейшей карьеры Барклая. В январе 1810-го года он был назначен военным министром. На этом посту Барклай, ощущавший неотвратимость войны с Наполеоном, занялся преобразованием армии. На западных рубежах срочно строились оборонительные сооружения, передислоцировались войска, проводились дополнительные наборы в армию – её численность увеличилась почти вдвое. Было реорганизовано военное министерство, заслуги Барклая на этом посту были отмечены в сентябре 1811-го года орденом Св. Равноапостольного князя Владимира 1-й степени.

Когда-то Денис Давыдов коротко выразил суть Михаила Богдановича Барклая-де-Толли: *«Мужественный и хладнокровный до невероятия»*.

В качестве главнокомандующего русской армией при вторжении Наполеона, Барклай-де-Толли, понимая невозможность открытого боя с Наполеоном, принял на вооружение тактику отступления внутрь страны, поведя армию на Витебск и Смоленск, приказав и Багратиону отступать и идти на соединение с ним. Многие тогда вспоминали Петра Великого, отступавшего в войне со шведами до Полтавы, и рассчитывали, что, отступая, русская армия может быть усиlena рекрутами и снабжена всем необходимым, в то время, как армия Наполеона тем больше ослабеет и истощится, чем дальше отойдёт от своей родины.

Ещё за пять лет до описываемых событий, когда Наполеон беспощадно бил австрийцев и пруссаков, Барклай-де-Толли так высказался на этот счёт: «Если бы мне пришлось воевать с Наполеоном, то я избегал бы решительного сражения с ним, а отступал бы до тех пор, пока французы, вместо решительной битвы, нашли бы вторую Полтаву».

Соединение двух русских армий планировалось под Витебском. Чтобы выиграть время и дождаться здесь Багратиона, Барклай приказал графу Остерман-Толстому с небольшим отрядом задержать французов, и целый день русский отряд сдерживал неприятеля. Но две русские армии не смогли объединиться под Витебском и причина была в том, что Багратион не мог пробиться через превосходящие силы французов и должен был, отражая атаки противника, отступать к Смоленску, где и произошло соединение двух армий под общим командованием Барклая-де-Толли.

Когда армии соединились, решено было идти навстречу неприятелю, который, как ожидалось, от Витебска направится прямо к Москве, но Наполеон устремился к Смоленску с тем, чтобы неожиданно взять его, выйти в тыл русской армии и отрезать её от Москвы. Гарнизона в Смоленске почти не осталось, а русская армия находилась уже на большем расстоянии от него, чем французская.

О сражении под Смоленском будет рассказано ниже.

Прав А. С. Пушкин, когда высоко оценивал роль Барклая-де-Толли в Отечественной войне 1812-го года, значение этой фигуры, наряду с легендарной личностью М. И. Кутузова отражено в скульптурах у Казанского собора в Санкт-Петербурге.

О судьбе Барклая-де-Толли, которого за принятую стратегию отступления ругали все, кому не лень, говорится в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец», где есть такие строчки:

*О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоем звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманный глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко...*

П. И. Багратион и 2-я армия

Петр Иванович Багратион (1765–1812) – генерал от инfanтерии происходил из древнего рода грузинских царей Багратидов, его дед, царевич Александр, переехал в Россию в 1757-м году, имел чин подполковника. Петр Багратион в 17 лет был определён Г. Потемкиным в Кавказский мушкетёрский полк сержантом, принял участие в экспедициях против чеченцев, в одном из боев получил тяжёлое ранение, оказался в плену, но горцы вернули его в русский лагерь без выкупа из признательности к отцу Багратиона, оказавшему им какую-то услугу. С Кавказск им мушкетёрским полком участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 года, в 1788-м году под знамёнами Потёмкина проявил себя при штурме и взятии Очакова.

За участие в Итальянском походе фельдмаршал Суворов подарил князю Петру свою шпагу, с которой тот не расставался до конца жизни, а в легендарном Швейцарском походе через Альпы Багратион шёл в авангарде армии Суворова, прокладывая путь войскам в горах и первым принимая на себя удары противника.

Багратион был участником войны против Наполеона в 1805–1807-го годах. В кампании 1805-го, когда армия Кутузова совершила стратегический марш-манёвр от Браунау к Ольмюцу, Багратион возглавлял её арьергард, его войска провели ряд успешных боёв, обеспечив планомерное отступление главных сил, части Багратиона прославились в сражении при Шёнграбене.

П. И. Багратион

В Аустерлицком сражении в 1805-м году Багратион командовал войсками правого крыла союзной армии, которые стойко отражали натиск французов, а затем прикрывали отход главных сил, в ноябре 1805-го года Багратион получил чин генерал-лейтенанта.

В кампаниях 1806–1807-го годов Багратион, командуя арьергардом российской армии, отличился в сражениях у Прейсиш-Эйлау и под Фридландом в Пруссии. Наполеон считал Багратиона лучшим генералом русской армии, во Фридландском сражении (июнь 1807-го года) он 5 суток со своим отрядом прикрывал отход союзных войск, наградой ему стала золотая шпага, осыпанная алмазами, с надписью: «За храбрость».

В русско-шведской войне 1808–1809-годов Багратион командовал сначала дивизией, затем корпусом, в 1809-м году был произведён в генералы от инfanтерии. Во время русско-турецкой войны 1806–1812-го во главе Молдавской армии и руководил боевыми действиями на левом берегу Дуная, его войска захватили ряд крепостей.

С августа 1811-го года Багратион – главнокомандующий 2-й Западной армии.

Солдаты называли Багратиона «Орлом», зная о славе его подвигов и о репутации суворовского ученика и любимца.

Современники так отзывались о нём:

- «В России нет хороших генералов. Исключение составляет Багратион» (Наполеон, 1812-й год);

- «Багратион – Лев русской армии» (А. И. Чернышев – постоянный представитель царя при императоре Франции).

Г. Р. Державин писал:

*O, как велик На-поле-он
Он хитр, и быстр, и твёрд во брани,
Но дрогнул лишь уставил длань,
К нему с штыком Бог-рати-он...*

Современный поэт В. Г. Бояринов написал:

*Жил-был князь Багратион.
Мог исполнить с блеском он
Долг бойца-рубаки
В лобовой атаке.*

*Если не видать ни зги —
Он включал свои мозги
И блестящим планом
Бил по вражьим станам.*

А. П. Тормасов и 3-я армия

Начало Отечественной войны 1812-го года 3-я Резервная обсервационная армия под командованием генерала А. П. Тормасова, насчитывающая около 45 тысяч человек, встретила в Луцке, в её задачу входило прикрытие Киевского направления.

Александр Петрович Тормасов, граф, генерал от кавалерии, участник Отечественной войны 1812-го года, родился в 1752-м году в Москве в дворянской семье, его отец служил во флоте, его сын в 10-летнем возрасте был определён пажом ко двору императора Петра III, а в 1772-м году зачислен поручиком в Вятский пехотный полк. Почти сразу получил чин капитана с назначением адъютантом к графу Я. А. Брюсу.

Через два года А. П. Тормасов – премьер-майор, а в 1777-м году после сформирования Финляндского егерского батальона был назначен его командиром с производством в чин подполковника. В 1782-м году его направили в Крым для усмирения бунта крымских татар, через два года Тормасов – полковник и был назначен командиром Александрийского конного полка.

Участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791-го годов, под командованием М. И. Кутузова, совершил удачную разведку за Дунаем, стал генерал-майором, отличился в Мачинском сражении, командуя кавалерией, провёл смелую атаку во фланг армии противника, был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

После заключения Яссского мира Тормасов участвовал в подавлении восстания в Польше, где во главе конной бригады в 1794-м году нанёс польским повстанцам поражение при Мотаре.

А. П. Тормасов

За польскую кампанию Тормасов был награждён орденом Святого Владимира 2-й степени и золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость», в 1795-м году назначен Виленским губернатором. В конце 1797-го года он – шеф Орденского кирасирского полка, был произведен в генерал-лейтенанты, в 1800-м году назначен командиром лейб-гвардии Конного полка, шефом которого был Великий князь Константин Павлович. После восшествия на престол Александра I стал генералом от кавалерии и инспектором по Днестровской кавалерии, затем главой Лифляндской инспекции.

В феврале 1803-го года А. П. Тормасов стал Киевским военным губернатором, а с 1804-го года в связи с приближением очередной русско-турецкой войны занимался формированием армии на берегах Днестра, за что и был награждён орденом Святого Александра Невского.

В 1808-м году Тормасов – главнокомандующий в Грузии, его войска нанесли туркам и персам несколько поражений. В 1811-м году А. П. Тормасов становится членом Государственного совета, ему было поручено командование 3-й Резервной обсервационной армией, с которой он и встретил Отечественную войну 1812-го года.

25-го июля войска Тормасова захватили Брест, а 27-го июля авангард его армии разбил саксонский отряд генерала Кленгеля при Кобрине и занял Пружины. За эту победу Тормасов был награждён орденом Святого Георгия 2-й степени, это был первый успех в период отступления русских армий.

13-го августа часть войск Тормасова (около 18 тысяч человек) у Городечно сражалась с превосходящими силами корпусов Ж. Ренье и К. Шварценберга. Русские части отступили к Луцку, соединились с Дунайской армией адмирала П. В. Чичагова, который и был назначен командующим объединённых сил двух армий, а Тормасов был отозван в главную квартиру, в распоряжение Кутузова М. И., где на него было возложено внутреннее управление войсками и их организация.

В Тарутинском лагере Кутузов принял решение об объединении 2-х Западных армий, Тормасову было поручено командование войсками Главной армии за исключением авангарда генерала Милорадовича и некоторых отдельных отрядов.

Генерал А. П. Тормасов с Главной армией участвовал в сражениях под Малоярославцем, Вязьмой и Красным, был награждён орденом Святого Андрея Первозванного, а в декабре вышел к границам Российской Империи.

Про А. П. Тормасова В. Жуковский, воздавая ему хвалу, писал:

*И Тормасов, летящий в бой,
Как юноша веселый!*

Под командованием А. П. Тормасова находились войска генерала А. П. Щербатова, которые в начале войны освободили от саксонцев город Брест-Литовск.

Алексей Григорьевич Щербатов

Щербатов Алексей Григорьевич, князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, герой Отечественной войны 1812-го года родился в Москве в 1776-м году, ещё в детском возрасте унтер-офицером был записан в лейб-гвардии Семёновский полк, получил домашнее образование, а в 16 лет был произведён в прапорщики, но на действительную военную службу поступил в 1796-м году.

А. Г. Щербатов

В 1799-м году Щербатов был произведён в полковники, а осенью 1800-го года получил чин генерал-майора и был назначен шефом Тенгинского мушкетерского полка, при этом в военных действиях не участвовал. В 1800-м году Щербатов стал шефом Костромского мушкетёрского полка, участвовал в кампании 1806–1807-го годов против наполеоновской армии, отличился в битве при Голомне, где шёл в атаку со знаменем впереди своего полка и отбил атаки превосходящего по численности противника. Был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени, участвовал в сражениях при Гоффе и Прейсиш-Эйлау.

Летом 1810-го года в одном из штурмов крепости Шумлы, находясь в первом ряду наступающих, генерал Щербатов получил тяжёлое ранение в грудь, после лечения был назначен командиром 18-й пехотной дивизии, но в военных столкновениях с турками больше не участвовал.

После освобождения Брест-Литовска в 1812-м году А. Г. Щербатов участвовал во взятии Кобриня, взял в плен целую саксонскую бригаду, за что был награждён орденом Святой Анны 1-й степени. В честь этой победы, одной из первых побед русского оружия над Наполеоном, в Санкт-Петербурге был произведён салют. Отличился князь Щербатов в сражении при Городечной, за что был награждён орденом Святого Георгия 3-й степени.

В конце ноября А. Г. Щербатов стал генерал-лейтенантом, получил в командование 6-й пехотный корпус, с которым участвовал в преследовании отступавшего неприятеля от Березины до Вильно.

*Хвала, Щербатов, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной...*

(В. Жуковский)

Первая крупная победа: П. Х. Витгенштейн и Я. П. Кульев

При изложении хода Отечественной войны 1812-го года обычно забывают о первой крупной победе русской армии над войсками Наполеона, стремившегося выйти на Петербургское направление, тем более что расстояние от границы до Санкт-Петербурга было на 350 километров меньше, чем до Москвы.

С 30-го июля по 1-е августа (здесь и далее все даты указаны по новому стилю) в районе села Клястицы (севернее Полоцка) русский корпус под командованием Витгенштейна (17 тысяч человек, 108 орудий) нанёс поражение французскому корпусу Н. Ш. Удино (29 тысяч человек, 114 орудий).

Этим была сорвана попытка французской армии развернуть наступление на Петербург («Военный энциклопедический словарь». М., 1983).

Дело было так: к северу от главного, Московского, направления наступления Наполеона продвигались два его отдельных корпуса. У одного – корпуса маршала Макдональда была задача занять Ригу, а затем всячески содействовать корпусу Удино, главной целью которого было взятие столицы Российской империи – Санкт-Петербурга.

Корпус Витгенштейна, будучи заведомо слабее любого из двух противостоящих корпусов, не смог бы устоять против их соединённых сил, однако французы действовали раздельно, кроме того на пути французских корпусов была естественная преграда – река Западная Двина. Пока Макдональд действовал против войск Эссена в Риге возле устья Двины, Удино попытался переправиться через неё в Динабурге (нынешний Даугавпилс в Латвии), однако не смог преодолеть сопротивления гарнизона. Поднявшись вверх по течению, Удино переправился через Двину около Полоцка. Оба французских маршала стремились, зайдя в тыл Витгенштейну, соединиться в Себеже на Псковской дороге, отрезав русские войска от Пскова.

П. Х. Витгенштейн

Витгенштейн Петр Христианович – граф, русский фельдмаршал, родился в 1769-м году в городе Переяславле в Малороссии. Он рано лишился матери, и после вторичной женитьбы отца на Анне Петровне Бестужевой-Рюминой (урождённой княжне Долгоруковой) воспитывался в доме её родственника – графа Салтыкова.

В 1781-м году он поступает на службу в Семёновский полк сержантом, с 1790-го года – офицер, корнет, в 1793-му году в чине майора во время войны с Польшей Витгенштейн впервые схватился с противником под Дубенкой, за боевые заслуги его пожаловали чином подполковника, он принимал участие в военных действиях на Кавказе.

В 1801-м году Витгенштейн был назначен командиром Елизаветградского гусарского полка, а с началом русско-австро-французской войны 1805-го года участвовал в боях, предшествовавших генеральному сражению под Аустерлицем. В арьергардном бою под Амштеттеном он действовал под командованием Багратиона, затем Милорадовича и мужественно отбил несколько атак конницы Мюрата, за что был удостоен ордена святого Георгия 3-й степени.

Его известность возросла после боя под Вишнёвым, где с тремя полками легкой кавалерии он разбил отряд французской конницы, захватив более четырехсот пленных и проявив незаурядную личную храбрость. В 1806–1807-м годах Витгенштейн сражался в Молдавии против турок и в Восточной Пруссии против французов, получил несколько боевых наград.

В начале Отечественной войны ему был вверен 1-й пехотный корпус, прикрывавший Петербургское направление. В районе села Клястицы Витгенштейн оказался в отчаянном положении. Единственным шансом остановить французов, было воспользоваться удалённостью Макдональда, и, несмотря на неравенство сил, атаковать корпус Удино. После разведки Витгенштейн решил перейти в наступление, чтобы не допустить соединения Удино с Макдональдом.

дом. Он двинулся противнику наперерез, рассчитывая занять раньше его селение Клястицы на дороге из Полоцка в Псков, но французы вступили в Клястицы раньше его, тем не менее, Витгенштейн продолжал движение.

Удино занял деревню Клястицы, имея 29 тысяч солдат и 114 пушек против русских 17-ти тысяч и 108-ми орудий. Тем не менее, Витгенштейн решил атаковать. Впереди двигался авангард генерала Кульгева (3700 всадников, 12 орудий), за ним следовали основные силы Витгенштейна – 13 тысяч солдат при 72-х орудиях.

Генерал П. Х. Витгенштейн

Генерал Я. П. Кульгев

Кульгев Яков Петрович (1763–1812) – генерал-майор (1808). Один из самых популярных военачальников русской армии. На военной службе с 1785-го года, участник русско-турецкой войны 1787–1791-го годов, Польской кампании 1794-го года, войны с Францией (1807). Во время русско-шведской войны 1808–1809-го годов командовал отдельным отрядом, во главе отряда корпуса Багратиона совершил героический переход по льду Ботнического залива и овладел городом Гриссельгамом.

В 1810-м году Кульгев командовал авангардом Дунайской армии, в Отечественную войну возглавлял авангард 1-го пехотного корпуса Витгенштейна.

Про генерала рассказывали истории:

– Будучи уже генералом, он носил шинель грубого солдатского сукна и ел самую простую пищу. Он считал бедность необходимым атрибутом воина и приводил такой довод: «Убожество было первой добродетелью римлян, победивших всю вселенную, но которых, наконец, богатство, попавшее в их руки, развратило».

«Битва уланов под Клястицами» (Худ. Войцех Косак)

– Однажды задумав жениться, Яков Петрович порвал со своей невестой, когда та поставила ему условием для брака немедленный выход в отставку. «Ничто на свете, – писал он ей, – даже самая любовь, которую я к вам пытаю, не возможет отвратить меня от сердечного ощущения беспредельной любви к отечеству и к должности моей. Прощайте, любезная и жестокая очаровательница».

Кульnev был хорошо образован, проявлял интерес к истории, особенно к истории России и Древнего Рима. Придерживаясь демократических взглядов, Яков Петрович отпустил на волю своих крепостных. Бескорыстный, честный, строгий к себе и подчинённым, он был любим солдатами за заботу о них. Время подтвердило правоту слов Кульнева: «Герой, служащий отечеству, никогда не умирает и в потомстве воскресает».

Я. П. Кульnev

Бой под Клястицами начался 30-го июля в 2 часа дня. Русский авангард под командой Кульнева столкнулся с французским авангардом возле деревни Якубово. Встречный бой продолжался до конца дня, Кульnev старался вытеснить французов из деревни, но французы удержали деревню.

На следующий день в бой втянулись главные силы русских, и после нескольких атак Якубово удалось захватить, Удино был вынужден отступить к Клястицам.

Продолжение боя требовало переправы через реку Нища. Удино установил на противоположном берегу мощную батарею и приказал сжечь единственный мост. Пока отряд Кульевна переправлялся бродом для обхода позиций французов, 2-й батальон Павловского гренадерского полка атаковал противника через горящий мост.

Французы были вынуждены отступать, генерал-майор Кульев продолжил преследование 2-м кавалерийскими полками при поддержке казаков, пехотного батальона и артиллерийской батареи. После переправы через реку Дрисса 1-го августа он попал в засаду, артиллерия французов расстреливала отряд Кульевна с господствующих высот, сам он был смертельно ранен и через несколько минут умер.

Умирая, Кульев обратился к солдатам со словами: «Друзья, не уступайте ни шага русской земли. Победа вас ожидает». Узнав о его смерти, Наполеон писал во Францию: «Генерал Кульев, один из лучших офицеров русской кавалерии, – убит».

Я. П. Кульев был первым русским генералом, погибшим в Отечественной войне 1812-го года, на памятнике, поставленном на месте его смерти, помещены стихи В. А. Жуковского:

*Где Кульев наши, рушиль сил,
Свирепый пламень браны?
Он пал, главу на щит склонив
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила;
Где колыбель его была,
Там днесъ его могила!..*

Преследуя русский авангард, французский генерал Вердье натолкнулся на главные силы Витгенштейна и был разгромлен.

После этого Удино отступил за Двину, таким образом, наступление французов на Петербург провалилось. Более того, опасаясь действий Витгенштейна на путях снабжения «Великой Армии», Наполеон был вынужден ослабить главную группировку войск, послав на помощь Удино корпус под командованием Сен-Сира.

Витгенштейн в рапорте царю Александру I исчислил писал о трёх тысячах пленных, число убитых и раненых французов он оценил со слов пленных в 10 тысяч человек: «Французы спаслись только помощью лесистых мест и переправ через маленькие речки, на которых истребляли мосты, чем затрудняли почти каждый шаг и останавливали быстроту нашего за ними преследования, которое кончилось вечером».

Под Клястицами погибло около 4300 русских солдат, в окрестностях деревни до сих пор обнаруживают пули и осколки ядер, пряжки от костюмов, кованые гвозди, сохранились остатки сожжённого французами моста.

Под Клястицами на границе Псковской и Витебской губерний Петр Христианович Витгенштейн впервые выступил в роли командующего отдельной армией. Это была первая крупная победа в этой войне, за которую Александр I назвал его спасителем Санкт-Петербурга. От народа Витгенштейн получил звание «защитника Петрова града», впервые прозвучавшее в песне, заканчивавшейся словами: «Хвала, хвала, тебе герой! Что град Петров спасён тобой!».

За сражение под Клястицами дворянство Петербургской губернии поднесло Витгенштейну адрес, а купцы Санкт-Петербурга – 150000 рублей, генерал был награждён орденом Святого Георгия 2-й степени и 12-ю тысячами рублями пенсии. Имя полководца стало

известно всей России, в Пскове уездные предводители дворянства хотели воздвигнуть памятник Петру Витгенштейну, но он в письменной форме просил не делать этого.

Василий Жуковский писал («Певец во стане русских воинов»):

*Наши Витгенштейн, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.
Хвала!.. Он щит стране.
О, сколь величественный вид,
Когда перед рядами,
Один, склоняясь на твёрдый щит,
Он грозными очами
Блюдёт противников полки,
Им гибель устрояет
И вдруг... движением руки
Их сонмы рассыпает.*

Бой под Красным – Д. П. Неверовский

Положение в направлении Санкт-Петербурга стабилизировалось, основные же силы армии Наполеона продолжали движение на Москву, французы двинулись к Смоленску с юго-запада, стремясь занять его и отрезать Барклаю путь на восток. Первым к Смоленску продвигался конный авангард маршала Мюрата (15 тысяч человек).

На этом участке у русских находилась всего лишь одна пехотная дивизия под командованием генерала Дмитрия Неверовского (6–7 тысяч человек), во многом состоявшая из новобранцев, но именно они и встали 2 августа близ поселка Красного непреодолимой стеной на пути мюратовской кавалерии. Неверовский занял позицию на дороге, по бокам которой находился березняк, мешавший коннице совершить фланговый обход. Мюрат был вынужден атаковать русскую пехоту в лоб. Построив солдат в одну колонну, Неверовский обратился к ним со словами: «Ребята, помните, чему вас учили. Никакая кавалерия не победит вас, только в пальбе не торопитесь и стреляйте метко. Никто не смей начинать без моей команды!».

Ощетинившись штыками, русские пехотинцы отбили все атаки французской конницы. В перерыве между схватками Неверовский подбадривал своих солдат, проводил с ними разбор боя и дивизионное учение. Дивизия не допустила прорыва корпуса Мюрата и организованно, пехота, отбив первые атаки, построилась в каре и начала медленное движение к Смоленску, отражая атаки французов, покрыв себя неувядаемой славой.

По словам наполеоновского генерала Сегюра, «Неверовский отступил как лев».

Каждый шаг отступления был устлан русскими трупами. «Ряд наших первых атак кончился неудачей в двадцати шагах от русского фронта; русские (отступавшие) всякий раз внезапно поворачивались к нам лицом и отбрасывали нас ружейным огнем», – так писали французы об этой отчаянной обороне.

Французы 40 раз бросали в атаку свою кавалерию, Неверовский отбился и дал возможность отряду Раевского занять Смоленск, куда и привёл истребленный на пять шестых отряд. Благодаря стойкости дивизии Неверовского 1-я и 2-я армии успели отойти к Смоленску и занять там оборону. Это отступление генерала Неверовского 14-го августа – один из самых известных и важных эпизодов Отечественной войны 1812-го года.

П. И. Багратион так оценил действия дивизии Неверовского: «Нельзя довольно похвалить храбости и твёрдости, с какою дивизия, совершенно новая, дралась против чрезмерно превосходных сил неприятельских».

Д. П. Неверовский

Неверовский Дмитрий Петрович, родился в 1771-м году в семье сотника в селе Прорховка Полтавской губернии, получил домашнее образование, в 1786-м году начал службу рядовым лейб-гвардии Семёновского полка. В 1787-м году стал прапорщиком Малороссийского кирасирского полка, участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791-го года и в войне с Польшей 1792–1794-го года. С 1803-го года командир Морского полка. В марте 1804-го года произведён в генерал-майоры и назначен шефом 3-го Морского полка. В 1805-м году участвовал в экспедиции генерала П. А. Толстого в Померанию. С 1809-го года – шеф Павловского гренадёрского полка. В 1811-м году Неверовскому было поручено формирование в Москве 27-й пехотной дивизии, начальником которой он стал в следующем году.

Генерал Паскевич писал о действиях дивизии Неверовского под Красным во время его отхода к Смоленску: «Неприятель окружил его со всех сторон своею конницею. Пехота атаковала с фронта. Наши выдержали, отбили нападение и начали отходить. Неприятель, увидев отступление, удвоил кавалерийские атаки. Неверовский сомкнул свою пехоту в каре и заслонился деревьями, которыми обсажена дорога. Французская кавалерия, повторяя непрерывно

атаки во фланги и в тыл генерала Неверовского, предложила, наконец, ему сдаться. Он отказался. Люди Полтавского полка, бывшего у него в этот день, кричали, что они умрут, но не сдадутся. Неприятель был так близко, что мог переговариваться с нашими солдатами. На пятой версте отступления был самый большой натиск французов; но деревья и рвы дороги мешали им врезаться в наши колонны.

Д. П. Неверовский

Стойкость нашей пехоты уничтожала пылкость их нападения. Неприятель беспрестанно, вводил новые полки в дело, и все они были отбиты. Наши без различия полков смешались в одну колонну и отступали, отстреливаясь и отражая атаки неприятельской кавалерии.

Таким образом, Неверовский отошёл ещё семь верст. В одном месте деревня едва не расстроила его отступление, ибо здесь прекращались берёзы и рвы дороги. Чтобы не быть совершенно уничтоженным, Неверовский принужден был оставить тут часть войск, которая, и была отрезана. Прочие отступили сражаясь. Неприятель захватывал тыл колонны и шёл вместе с нею. К счастью, у него немного было артиллерии, и потому он не мог истребить эту горсть пехоты. Неверовский приближался уже к речке, и когда был он за версту, то из двух орудий, посланных им прежде, открыли огонь. Неприятель, думая, что тут ожидало русских сильное подкрепление, очистил тыл, и наши благополучно переправились за речку».

Сегодня в районе Красного есть улица Кутузова, а люди до сих пор находят на своих участках ржавые сабли, неразорвавшиеся ядра да проржавевшие железки, в которых всё ещё угадываются формы старинных пистолетов и ружей, оставшихся в земле после ожесточённых сражений между армиями русского фельдмаршала и французского императора.

Оборона Смоленска – Н. Н. Раевский и Д. С. Дохтуров

С начала войны за время наступления на Смоленск французская армия потеряла 150 тысяч человек, из них – 50 тысяч дезертирами («Малая советская энциклопедия», М., 1959).

При обороне Смоленска покрыли себя славой генералы Н. Н. Раевский и Д. С. Дохтуров.

После занятия Смоленска Раевским опасность для русской армии не миновала. Барклай, не имея точных сведений о движении французской армии к Смоленску, с главными силами находился далеко от него. Наполеон, до его прибытия имел возможность овладеть городом, русским нужно было любым способом выиграть время до прибытия главных сил. Раевский с небольшим (около 15-и тысяч) отрядом в течение целого дня отражал все атаки французов, которых было здесь до 150 тысяч человек.

Н. Н. Раевский

Николай Николаевич Раевский. Будущий герой Отечественной войны 1812-го года родился в 1771-м году в Санкт-Петербурге старинной дворянской семье, вышедшей в XII-го веке из Дании, поселившейся в Польше и в начале XVI-го века перешедшей на службу в Москву к русским князьям. С тех давних времён династия Раевских верой и правдой служила России. В свои неполные семнадцать лет он принимает боевое крещение в войне против турок и уже в девятнадцать лет становится подполковником.

За умелое руководство боевыми действиями против соседей-поляков Раевский награждается боевыми орденами и золотой шпагой за храбрость. Павел I отправил молодого Раевского в отставку, но Александр I вновь принимает Раевского на службу с присвоением ему звания генерал-майора.

Во время войны с Францией приобретённый боевой опыт молодого генерала высоко оценил любимец армии князь П. Багратион. Под его руководством Раевский участвует во многих сражениях с французами.

За успешные боевые действия он получает звание генерал-лейтенанта, награждается многими орденами и назначается командиром 21-й пехотной дивизией, а с началом Отечественной войны он уже командует 7-м пехотным корпусом, входящим во 2-ю Западную армию П. И. Багратиона.

Летом 1812-го года Багратион пытается прорвать фронт французов для соединения с 1-й армией. Он приказывает генералу Раевскому идти к Могилёву, в это время против пятнадцати тысяч русских выступили двадцать шесть тысяч войск маршала Даву, но все попытки французов обойти отряд Раевского были безуспешны. В наиболее тяжёлый момент боя у деревни Салтановка генерал Раевский, взяв за руки своих двух сыновей, старшему из которых, Александру, едва исполнилось семнадцать лет, пошёл с ними в атаку. Героизм генерала и его детей подняли колонны русских. Неимоверными усилиями подразделений Раевскому удалось удержать позиции у Салтановки и дать возможность основным силам армии переправиться через Днепр у Быхова.

Генерал Н. Н. Раевский

Героизм генерала Раевского, его умение организовать бой и личное мужество не дали возможности Наполеону окружить русскую армию и разгромить её. После той страшной битвы, скопой на похвалы Раевский в боевом донесении своему начальнику П. Багратиону писал: «Я сам свидетель, что многие офицеры и нижние чины, получив по две раны и перевязав их, возвращались в сражение, как на пир. Не могу довольно выхваливать храбости и искусства артиллеристов: все были героями».

Смоленск, расположенный по обе стороны Днепра, был обнесён мощной стеной из камня и кирпича с 17-ю башнями и бойницами для ружейной стрельбы. Позади стены были сделаны устройства для орудий. Раевский решил обороняться в самом городе, используя для этого крепостные стены и городские здания. Готовились к сражению и французы – в день рождения Наполеона 16-го августа (по новому стилю) они хотели преподнести императору подарок – взять Смоленск.

Утром к Смоленску с юга подошли войска Мюрата, Ней и Даву. Сюда прибыл и Наполеон, артиллерийский огонь обрушился на защитников города, но сломить сопротивление русских воинов не удалось. В атаку пошла французская конница, она потеснила русскую, вынудив её отойти в Краснинское предместье, но большого успеха добиться не могла. Тогда в атаку была брошена пехота, она двинулась тремя мощными колоннами, нанося главный удар по Королевскому бастиону.

Оборону Королевского бастиона возглавил генерал Паскевич. На бастионе было установлено 18 орудий, когда неприятельская пехота пошла в атаку, артиллеристы открыли огонь, но французы с большими потерями все-таки ворвались на кронверк перед Королевским бастионом. Русский батальон во главе с Паскевичем нанёс штыковой удар по французам, уничтожив большую их часть, а остальных обратил в бегство.

Город оборонялся лишь одним корпусом Раевского и ослабленной дивизией Неверовского против 180-тысячной армии Наполеона. Маршал Ней снова бросил пехоту в бой, на этот раз французы были остановлены на подступах к бастиону у крепостного рва и штыковой контратакой были отброшены от крепости. Не имели успеха атаки французов на предместья города, поэтому Наполеон был вынужден отдать распоряжение – ждать подхода главных сил.

Так в течение целого дня русские солдаты отразили все атаки французов и дали время главным силам армии пройти к Смоленску. Но для безопасного отступления необходимо было занять Московскую дорогу, для чего нужно было ещё задержать Наполеона под Смоленском.

Тогда, по распоряжению главнокомандующего, отряд Раевского был заменён отрядом генерала Д. С. Дохтурова.

Д. С. Дохтуров

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756–1816) генерал от инfanterии. В семье Дохтуровыхчились военные традиции: отец и дед Дмитрия были офицерами лейб-гвардии Преображенского полка, старейшего полка русской гвардии, сформированного ещё Петром I. В 1771-м году отец отвёз сына в Петербург и не без труда устроил его в Пажеский корпус. После выпуска из него в 1781-м году Дохтуров получил чин поручика гвардии и начал службу в Преображенском полку. Вскоре шефом полка стал Г. Потёмкин, который заметил способного офицера и в 1784-м году назначил его командиром роты егерского батальона.

Участник войн со Швецией 1788–1790-го годов и с Францией 1805–1807, 1812–1814, в которых Дохтуров проявил мужество и героизм. Под Аустерлицем (1805), командуя дивизией, находившейся на левом фланге войск союзников, сумел обеспечить организованный отвод своих частей.

Во Фридландском сражении 1807-го командовал центром и прикрывал главные силы русской армии при отходе за реку Алле. В июне 1812-го Дохтуров – командир 6-го корпуса форсированным маршем вывел войска из окружения в районе Лиды, участвовал в обороне Смоленска.

К утру 17-го августа основная часть французской армии была подтянута к городу, в целом под стенами Смоленска собралась 180-тысячная французская армия, и ей противостоял всего лишь 30-тысячный корпус Дохтурова.

17-е августа стало самым кровавым днём в истории обороны Смоленска. Утром противник начал обстрел и штурм города. Особенно жестокие схватки происходили у Молоховских ворот, через которые французы стремились ворваться в город, но русские всякий раз отбрасывали их.

Воинам помогали местные жители, они ходили в атаки, подносили ядра к орудиям, вывозили раненых с поля боя. Генерал Д. С. Дохтуров, несмотря на болезнь, продолжал руководить сражением. «Если умереть мне, так лучше умереть на поле чести, нежели бесславно – на кровати», – сказал он. Про него В. Жуковский написал: «...Дохтуров, гроза врагов, к победе вождь надёжный!»

Взбешённый упорством защитников города, Наполеон отдал распоряжение применить тяжёлые гаубицы, зажигательные и разрывные снаряды. На Смоленскую крепость обрушился огонь 150 французских орудий. «Тучи бомб, гранат и чиновных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем – и все, что может гореть, – запыпало!» – сообщает очевидец событий той ночи писатель Ф. Н. Глинка в книге «Письма русского офицера».

Ни огонь вражеской артиллерии, ни атаки пехоты, ни пожар не в силах были сломить сопротивления защитников Смоленска, однако, учитывая невыгодное соотношение сил и возможность обхода Смоленска французами, Барклай де Толли решил оставить город и отойти на восток.

Д. С. Дохтуров

Свой приказ он прокомментировал так: «Цель наша при защщении развалин смоленских стен состояла в том, чтобы, занимая тем неприятеля, приостановить намерения его достичнуть Ельни и Дорогобужа и тем представить князю Багратиону нужное время прибыть беспрепятственно в Дорогобуж. Дальнейшее удержание Смоленска никакой не может иметь пользы, напротив того, могло бы повлечь за собой напрасное жертвование храбрых солдат. Почему решил я после удачного отражения штурма приступа неприятельского, ночью... оставить Смоленск...»

Главные силы русской армии успели выйти на московскую дорогу, и Дохтуров ночью вышел из Смоленска, в котором не осталось целыми и пятой части домов.

Под Смоленском французы потеряли убитыми 20 тысяч солдат, русские потери – 10 тысяч человек.

В Смоленск Наполеон въехал на белом коне через Никольские ворота. Никто из русских не встретил его, не пришёл к нему на поклон, не принёс ключей от города. Жители ушли вместе с армией. Отступая, смоляне сожгли мост через Днепр. Это поразило Наполеона, всюду его встречали как триумфатора, здесь же царило гробовое молчание, которое таило грозное предзнаменование жестокой борьбы.

«В городе остались, – пишет Коленкур, – лишь несколько старух, несколько мужчин из простонародья, один священник и один ремесленник» (Коленкур – дивизионный генерал, в 1812-м году обер-шталмейстер, находился при штабе французской армии).

И. В. Скворцов: «Упорная оборона Смоленска, где из 3250 домов уцелело только 350, а улицы буквально были завалены телами убитых и раненых, показала Наполеону, что война с Россией не будет похожа на войны, которые он привык вести в других странах Европы. Ещё больше опасений внушала ему убыль в его армии. Кроме обычных жертв войны – убитых и раненых – ежедневно из строя выбывало (средним числом) по три тысячи человек от лишений и чрезвычайных тягостей похода, от болезней, развившихся среди армии в непривычном для неё климате и пр...»

В Смоленске Наполеон поколебался: ввиду явного ослабления великой армии, думал было перезимовать здесь, чтобы устроить подвоз припасов и утвердиться на занятых местах, но потом оставил эту мысль – разрушенный город не мог доставить зимних помещений войску, убыль его продолжалась бы в ту пору, как русская армия увеличилась бы притоком новобранцев. Наполеон решился как можно скорее идти к Москве, но предварительно попробовал войти в сношения с Александром.

Посредством пленного генерала Тучкова он первым попытался завязать сношения о мире, шутливо заявляя, что не стоит вести войны из-за кофе и сахара (из-за континентальной системы) и что ничего не выйдет для России хорошего, если он займёт Москву. Александр не дал ему никакого ответа, не пожелал и разговаривать о мире».

Продовольствия и фуража в городе не оказалось. Голодные солдаты рыскали по пустым домам, тащили из них оставленные жителями вещи и продукты.

В течение пятидневного пребывания Наполеона в Смоленске был какой-то момент, когда он всерьёз задумывался над состоянием армии и её устройством. Наполеон даже высказывал мысль об оставлении армии в Смоленске на зимние квартиры, о создании продовольственных запасов, строительстве лазаретов и дорог. Он приказал устроить госпитали для раненых, поставить 24 пекарни, соорудить через Днепр прочный мост на сваях, привести в порядок здания города. Одним словом, Наполеон намеревался надолго обосноваться в Смоленске. Он говорил тогда Коленкуру: «Я укреплю свои позиции. Мы отдохнём, опираясь на этот пункт, организуем страну и тогда посмотрим, каково будет Александру... Я поставлю под ружьё Польшу, а потом решу, если будет нужно, идти ли на Москву или на Петербург».

Великая армия на пути к Смоленску понесла большой урон в живой силе и материальных средствах, снизилась её боеспособность, она нуждалась в отдыхе, в пополнении, следовало привести в порядок службу тыла, организовать медицинское обслуживание и т. д.

Но какова была гарантия, что длительная пауза, остановка на зиму в Смоленске приведёт к желаемой цели – к победе в большом сражении, овладению Москвой и подписанию мирного договора? Такой гарантии не было. Более того, в России и Европе расценили бы эту паузу как поражение Наполеона, она потребовала бы колоссальных расходов, усилилось бы недовольство во Франции, да ещё при отсутствии императора в Париже. Всё это могло создать невыгодную политическую и военную обстановку. Надо было искать сражения.

Участник тех событий, впоследствии известный военный теоретик и историк А. Жомини, так излагает общий ход мыслей Наполеона: «Вынудить русских к сражению и продиктовать мир – это единственно безопасный путь из оставшихся в настоящее время... Но что требовалось предпринять, чтобы добиться этого сражения?

Конечно же, не сидеть в Смоленске без продовольственных и других ресурсов. Мы должны были либо наступать на Москву, либо отойти к Неману, третьего пути не существовало... Опыт десяти кампаний помогает мне видеть решающий пункт, и я не сомневаюсь, что удар, нанесённый в сердце русской империи, мгновенно покончит с разрозненным сопротивлением».

Наполеон поделился своим решением с Коленкуром: «Не пройдёт и месяца, – сказал он, – как мы будем в Москве: через шесть недель мы будем иметь мир». Но, то была лишь очередная иллюзия. Время же и реальность событий диктовали свои расчёты.

Все эти планы так же быстро исчезли, как и появились. Достаточно было Наполеону получить хотя бы небольшой тактический успех, как у него вновь возникла надежда на возможность большого сражения и достижения в нём решительной победы.

В сражении под Смоленском раскрылся талант полководца Ивана Фёдоровича Паскевича, возглавлявшего героическую оборону Королевского бастиона.

Иван Фёдорович Паскевич, князь Варшавский, граф Эриванский, генерал-фельдмаршал, герой Отечественной войны 1812-го года, родился в Полтаве в 1782-м году. Его отец дворянин, коллежский советник, состоятельный помещик, определил сыновей Ивана и Степана в Пажеский корпус, где Иван Паскевич обратил на себя внимание прилежным поведением и успехами в науках, в 18-летнем возрасте он стал флигель-адъютантом императора Павла I, будучи поручиком лейб-гвардии Преображенского полка.

Молодые годы Ивана Фёдоровича прошли в сражениях под прямым командованием таких блестящих полководцев, как М. И. Кутузов, Н. Н. Раевский, П. И. Багратион.

В 1807-м году Паскевич находился с дипломатической миссией в Константинополе, с которой успешно справился и был произведён в капитаны, участвовал в блокаде и в штурме Браилова, был ранен в голову, получил чин полковника и орден святой Анны 2-й степени.

Под командованием князя П. И. Багратиона участвовал в переправе через Дунай и покорении крепостей Исакчи и Тульчи, в кровопролитном штурме Рущука. Отличился в разгроме войск Сераскира под Батыном, а в 1810-м году при взятии Варны, был награждён орденом святого Георгия 4-й степени.

За Батынскую битву в возрасте 28 лет Паскевич был произведён в генерал-майоры, а за проявленную храбрость при штурме Ловчи был награждён орденом святого Георгия 3-й степени. В русско-турецкой кампании 1806–1812-го годов Паскевич заслужил пять боевых орденов – редкий случай в русской армии.

Генерал И. Ф. Паскевич

В начале 1811-го года Паскевич занимался формированием Орловского пехотного полка в Киеве, стал его шефом, был назначен командующим 26-й дивизией 7-го пехотного корпуса, под командованием генерала Н. Н. Раевского, вместе с которой в составе 2-й Западной армии Багратиона сражался на полях Отечественной войны 1812-го года.

При Бородино Паскевич геройски сражался в центре русской позиции, защищая Курганную высоту. С шестью полками 26-й дивизии, он стойко отбивал атаки корпуса генерала Е. Богарне, имевшего пятикратный перевес в численности. В ходе боя под генералом Паскевичем погибли две лошади, за этот бой генерал Паскевич был награждён орденом святой Анны 2-й степени.

При отступлении русской армии к Москве генерал Паскевич возглавлял её арьергард, подчинявшись генералу М. А. Милорадовичу, мужественно защищал Дорогомиловский мост, а в Тарутинском лагере занимался формированием своей, практически выбитой в Бородинском сражении дивизии, обучением войск.

В составе корпуса Раевского участвовал в сражении под Малоярославцем, где с пятью пехотными и четырьмя казацкими полками при 36 орудиях защищал Медынскую дорогу, в сражении под Красным Паскевич возглавил штыковую атаку трёх пехотных полков, и в упорном бою опрокинул колонны маршала Нея. За эту победу он был удостоен ордена святого Владимира 2-й степени.

В Вильно Паскевич принял командование 7-м корпусом вместо заболевшего генерала Раевского. На приёме по случаю дня рождения императора 30-летнего Паскевича Кутузов представил Александру I как одного из лучших генералов Отечественной войны 1812-го года.

С 7-м корпусом Паскевич вёл боевые действия на территории герцогства Варшавского.

Под Смоленском Наполеон впервые усомнился в успехе своего дела. Через одного пленного русского генерала он решился заговорить о мире. Ответа он не получил.

Много лет спустя, уже находясь в ссылке на острове Святой Елены, Наполеон вспоминал: «Русскому отряду, случайно находящемуся в Смоленске, выпала честь защищать сей город в продолжение суток, что дало Барклаю-де-Толли время прибыть на следующий день. Если бы французская армия успела врасплох овладеть Смоленском, то она переправилась бы там через Днепр и атаковала бы в тыл русскую армию, в то время разделённую и шедшую в беспорядке. Сего решительного удара совершил не удалось».

Интересный момент: после отхода русской армии от Смоленска в Москве началась продажа оружия из Московского арсенала по цене в 30–40 раз ниже обычной, однако, вооружаться было особо некому: дворянство эвакуировалось, в день из города выезжало больше 1.300 повозок самого разного вида.

М. И. Кутузов во главе армии

Постоянным отступлением Барклая не были довольны ни император, ни армия, ни всё русское общество. Русские люди стыдились того, что армия как будто боялась открытого боя с врагом. Почти никто не понимал, что в военном отношении отступление не было позорным делом, и все обвиняли Барклая в трусости, даже в измене. Общественное мнение требовало смены Барклая-де-Толли, о том же думал и император.

При таком всеобщем настроении, Барклай должен был хитрить. Несколько раз он останавливался в виду неприятеля, делал распоряжения по подготовке к битве, а когда всё было готово, вдруг приказывал отступать. Никто не мог понять, куда он ведёт русскую армию, жаждущую боя, для чего бережёт её. После потери Смоленска войска перестали даже приветствовать его криком «Ура!».

Когда для армии потребовалось назначить авторитетного командующего, в которого верила бы страна, специальный комитет единодушно остановился на Кутузове. Александр I вынужден был с этим согласиться, и написал Кутузову письмо по поводу его назначения, где говорилось: «Михаил Илларионович! Известные военные достоинства ваши, любовь к отечеству и неоднократные отличные подвиги приобретают истинное право на сию мою доверенность...»

Но, предварительно Александр I поручил решение вопроса о главнокомандующем особым комитету из пяти лиц (Салтыкову, Аракчееву, Вязьмитинову, Лопухину и Кочубею). Комитет единогласно остановился на Кутузове, имя которого называла вся страна, но которого не любил царь.

В Рескрипте императора, направленном всем командующим армиями, говорилось: «Разные важные неудобства, произшедшие после соединения двух армий, возлагают на меня необходимую обязанность назначить над всеми оными главного начальника. Я избрал для этого генерала-от-инфanterии князя Кутузова, которому я подчиняю все четыре армии вследствие чего я предписываю вам со вверенною вам армией состоять в точной его команде. Я уверен, что любовь ваша к Отечеству и усердие к службе откроют вам и при сём случае путь к новым заслугам, которые мне весьма приятно будет отличить надлежащими наградами».

Назначая М. И. Кутузова главнокомандующим, истинное своё отношение к этому Александр I выразил в письме к сестре, где писал: «В Петербурге я нашёл всех за назначение главнокомандующим старика Кутузова: это было единственное желание. То, что я знаю об этом человеке, заставляет меня противиться его назначению, но когда Ростопчин в своём письме ко мне от 5 августа известил меня, что и в Москве все за Кутузова, не считая Барклая де Толли и Багратиона годными для главного начальства, и когда, как нарочно, Барклай делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не осталось ничего другого, как сдаться на общее мнение».

М. И. Кутузов

Имя Кутузова, как главнокомандующего русской армией, в этот тяжёлый момент называлось армией и всей страной. Поэтому Александр I согласился, но, назначив Кутузова главнокомандующим всех русских армий, император продолжал вмешиваться в военные дела: в то время кроме двух армий, Багратиона и Барклая, которые поступили под его личное непосредственное командование, у Кутузова имелись ещё три армии: Тормасова, Чичагова и Витгенштейна. Но Кутузов знал, что командовать ими будет царь, а он сам может только уговаривать командующих. Вот что он пишет Тормасову: «Вы согласитесь со мной изволите, что в настоящие критические для России минуты, тогда как неприятель находится в сердце России, в предмет действий ваших не может уже входить защищение и сохранение отдалённых наших Польских провинций».

Герб рода Голенищевых-Кутузовых

Император же объединил армию Тормасова с армией Чичагова и отдал под начало своего любимца – адмирала Чичагова, которому Кутузов писал: «Прибыв в армию, я нашёл неприятеля в сердце древней России, так сказать под Москвою. Настоящий мой предмет есть спасение Москвы самой, а потому не имею нужды изъяснять, что сохранение некоторых отдалённых польских провинций ни в какое сравнение с спасением древней столицы Москвы и самих внутренних губерний не входит». Чичагов и не подумал немедленно откликнуться на этот призыв.

Назначение Кутузова, радостно встреченное армией, означало, что скоро будет положен конец отступлению. Солдаты говорили: «Приехал Кутузов бить французов». Сам же Кутузов, встретившись с войсками, сказал: «Ну как можно отступать с такими молодцами».

Михаил Илларионович Кутузов

М. И. Кутузов был самым выдающимся полководцем России того времени, прошедшим суворовскую военную школу. Родился он в 1745-м году, его отец был военным инженером и вышел в отставку в чине генерал-поручика. Своего сына он также определил по военно-инженерной части. В 14 лет Кутузов окончил обучение в артиллерийском и инженерном корпусе, а в 16 лет был произведён в офицеры. Свою службу в армии Кутузов начал командиром роты полка, которым командовал А. В. Суворов. Кутузов на практике усвоил суворовскую «науку побеждать», у него он научился ценить солдата, проявлять заботу о нём. На этой основе и продолжим изложение биографических сведений.

В 1764-м году Кутузов добился назначения в действующую армию в Польшу.

Он участвовал в походах 1765-го и 1769-го годов, принимал участие во время войны с Турцией в 1770-м году, в 1771-м году – при Попештах. Кутузов сражался в Крыму, у Кинбурна, участвовал в осаде Очакова, при взятии крепости Аккерман и Бендера. У него было два опасных ранения, в результате одного из которых он потерял глаз. В 1790-м году под руководством Суворова Кутузов врывается на стену турецкой крепости Измаил и штурмом берёт её, показав блестящий пример героизма.

Суворов высоко ценил не только талант, но и военную хитрость Кутузова и, бывало, говорил про него: «...умён, очень умён, его и Рибас не обманет» (Рибас – адмирал, известный своим хитрым, изворотливым умом).

После Измаила Кутузов командовал крупными соединениями. Главнокомандующий князь Репнин доносил о Кутузове Екатерине II: «Расторопность и сообразительность генерала Кутузова превосходит всякую мою похвалу». Но, Кутузов был и талантливым дипломатом. Он служил послом в Турции, а также выполнял дипломатическую миссию при шведском короле. И там и здесь он блестяще справился со своими задачами.

После Аустерлица, при котором благодаря вмешательству императорских советников и австрийских генералов русская армия потерпела поражение, между Александром и Кутузовым отношения были испорчены. Кутузов не любил Александра за его завистливость и лицемерие, отрицал наличие у него каких бы то ни было военных талантов и познаний. Александр I знал об этом, но обойтись без Кутузова ему не удавалось, и когда потребовалось быстро закончить войну с Турцией, пришлось назначить главнокомандующим Кутузова.

Турецкое руководство очень рассчитывало на уступчивость русских ввиду близости войны России с Наполеоном и требовали, чтобы границей между Россией и Турцией была река Днестр. Ответом Кутузова был большой бой под Рущуком, увенчанный полной победой русских войск 22-го июня 1811-го года. Покидая Рущук, Кутузов приказал взорвать укрепления, но турки ещё продолжали войну. Кутузов умышленно позволил им переправиться через Дунай: «Пусть переправляются, только перешло бы их на наш берег поболее», – сказал Кутузов, он осадил лагерь визиря, и осаждённые, узнав, что русские тем временем взяли Туртукай и Силистрию (10-го и 11-го октября), сообщили, что им грозит полное истребление, если они не сдадутся. Визирь тайком бежал из своего лагеря и начал переговоры. А 26-го ноября 1811-го года остатки умирающей от голода турецкой армии сдались русским.

И то, что впоследствии в Европе определяли как дипломатический «парадокс», свершилось. 16-го мая 1812-го года после длившихся долгие месяцы переговоров, мир в Бухаресте был заключен: Россия не только освобождала для войны против Наполеона всю свою Дунайскую армию, но сверх того получала от Турции в вечное владение всю Бессарабию, получала почти весь морской берег от устьев Риона до Анапы.

Знамя Санкт-Петербургского ополчения

«И вот тут-то Кутузову удалось то, что при подобных условиях никогда и никому не удавалось и что, безусловно, ставит Кутузова в первый ряд людей, прославленных в истории дипломатического искусства. На протяжении всей истории императорской России, безусловно, не было дипломата более талантливого, чем Кутузов. То, что сделал Кутузов весной 1812-го года после долгих и труднейших переговоров, было бы не под силу даже наиболее выдающемуся профессиональному дипломату, вроде, например, А. М. Горчакова, не говоря уже об Александре I, дипломате-дилетанте. *«Теперь коллежский он асессор по части иностранных дел»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.